

Салимзянова Флюра Сабирзяновна

**ПРОЗВИЩА НАГОРНОЙ СТОРОНЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В КОНТЕКСТЕ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ МЕЖДУ РЕГИОНАЛЬНОЙ АНТРОПОНИМИКОЙ И ТОПОНИМИКОЙ**

Настоящая статья посвящена изучению влияния прозвищ как концептуальной составляющей региональной антропонимии на формирование топонимической системы сельской территории. Был подвергнут историко-лингвистическому анализу ряд антропокомонимов Нагорной стороны Республики Татарстан, имеющих генетическую корреляцию с прозвищами. Была выявлена устойчивость функционирования определенных прозвищ в языковом пространстве избранной для проведения исследования местности от болгарской эпохи до наших дней, а также были определены способы их интеграции в ее ойконимическую структуру.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/10/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (28). С. 144-147. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'373.211.1

Филологические науки

Настоящая статья посвящена изучению влияния прозвищ как концептуальной составляющей региональной антропонимии на формирование топонимической системы сельской территории. Был подвергнут историко-лингвистическому анализу ряд антропокомонимов Нагорной стороны Республики Татарстан, имеющих генетическую корреляцию с прозвищами. Была выявлена устойчивость функционирования определенных прозвищ в языковом пространстве избранной для проведения исследования местности от болгарской эпохи до наших дней, а также были определены способы их интеграции в ее ойконимическую структуру.

Ключевые слова и фразы: прозвища; антропонимика; топонимика; Нагорная сторона Республики Татарстан; ойконимы; антропокомонимы.

Салимзянова Флюра Сабирзяновна, к. филол. н.

Казанский федеральный университет

Salim.f.64@mail.ru

**ПРОЗВИЩА НАГОРНОЙ СТОРОНЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В КОНТЕКСТЕ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ МЕЖДУ РЕГИОНАЛЬНОЙ АНТРОПНИМИКОЙ И ТОПНИМИКОЙ®**

В последние годы в русской филологии наметилась тенденция к комплексному изучению такой антропонимической категории, как прозвища, с точки зрения регионального бытования последних [4; 11]. Примечательно, что данные локальные исследования ориентированы, прежде всего, на анализ языкового материала, собранного в сельской местности, в которой прозвища функционируют «наиболее активно в силу объективных причин (своеобразный контингент сельских жителей, условия бытовой коммуникации – небольшие, относительно замкнутые коллективы, в которых люди хорошо знают друг друга, наличие фольклорных традиций и пр.)» [4, с. 4]. Особый интерес в этой связи представляет рассмотрение корреляции между прозвищами как одним из важнейших компонентов региональной антропонимической системы и антропокомонимами – названиями сельских поселений (деревень, поселков). Актуальность данного направления исследований усиливается также и тем, что в рамках татарской лингвистической науки на сегодняшний день практически не существует трудов, в которых обозначенная нами тема нашла бы отражение.

На факт наличия тесной исторической связи между антропонимикой и топонимикой справедливо указывают исследователи: следует полностью согласиться с позицией С. П. Васильевой, утверждающей, что «топонимия содержит, прежде всего, информацию о пространстве, воспринимаемом человеком, используемом человеком» [1, с. 125]; а как известно, именно «антропоним представляет собой тот языковой знак, который можно назвать предельно антропоцентрическим, максимально приближенным к человеку» [2, с. 64]. Необходимо отметить, что применительно к татарской топонимической системе вышеприведенные слова ученых звучат с особой актуальностью, так как в татарских деревнях существовал своего рода культ болгарских предков: почти в каждом сельском населенном пункте бытует поверье, согласно которому его основоположником и родоначальником его жителей является тот или иной выходец из древней столицы Волжской Булгарии. Примечательно, что народная память в большинстве случаев сохраняет именно прозвище легендарного предка (а не его имя), которое употребляется в сочетании со словом «дед, дедушка» (тат. «баба»): так, к примеру, в деревне Килдураз Буинского района Республики Татарстан почитается «Килдураз баба», в деревне Кугай («Күгәй») Зеленодольского района Республики Татарстан – «Күгәй баба». Важно обратить внимание и на то, что татарская топонимика, генетически связанная с антропонимами, представлена в подавляющей своей массе названиями деревень – разгром болгарской государственности монголами в 1236 году вызвал первую волну массового исхода жителей Булгара и других крупных городов страны в сельскую местность, падение Казани в 1552 году дало толчок второй волне (в деревнях Закавказья аналогичные легенды связаны с выходцами из ханской Казани); и вплоть до начала XX века татары оставались преимущественно сельскими жителями.

Хотелось бы отметить тот факт, что зачастую в названиях деревень фиксировались не личные прозвища предков-основателей, а их родовые прозвища, поэтому в настоящей статье историко-лингвистическому анализу будут подвергнуты антропокомонимы, восходящие к двум указанным разновидностям прозвищ. При этом важно подчеркнуть, что установление происхождения подобных названий сельских населенных пунктов нередко требует специальных комплексных исследований, так как опознание и этимологизация ряда прозвищ затруднена тем, что они представлены архаичными, диалектными или иноязычными словами. В этой связи следует указать, что особо интересным материалом для подобного рода анализа, по нашему мнению, являются антропокомонимы Нагорной стороны Республики Татарстан – области, которая обладает богатой и сложной историей (некогда эта территория являлась ядром татарской государственности), детерминировавшей пестроту этнической мозаики (особенно в плане диахронии) и своеобразии диалектологической картины. Антропокомонимы названного региона, образованные от прозвищ, имеющих архаичную,

диалектную или иноязычную природу, следует выделить в две категории в зависимости от этнолингвистической сущности лежащего в их основе эпонима:

- 1) антропокомонимы, образованные от прозвищ тюркского происхождения;
- 2) антропокомонимы, образованные от прозвищ финно-угорского происхождения.

В рамках данной статьи нами будут рассмотрены антропокомонимы, относящиеся к первой группе. В их основе зачастую лежат прозвища, представленные архаичными словами, отсутствующими в современном татарском языке, но функционировавшими в древнем общетюркском языке, наречии волго-камских булгар и старотатарском языке. Другая часть антропокомонимов, относящихся к ней, восходит к прозвищам, своим происхождением связанным с ремесленной лексикой, зачастую имеющей древние булгаро-тюркские корни. Наконец, третья их часть возникла в корреляции с сословной лексикой, названиями титулов, которые ныне вышли из употребления. После падения в середине XVI века татарской государственности феодальные титулы продолжили свое бытование до определенного момента, перейдя в разряд прозвищ-эпонимов.

Для изучения антропокомонимов, генетически связанных с архаичными прозвищами, перспективным представляется обращение к названиям двух деревень Нагорной стороны РТ – Урум (Орым) Тетюшского района и Старое Тябердино (Орым Тербите) Кайбицкого района – следует отметить, что последняя известна еще со времен Казанского ханства. Их анализ мы вынуждены будем начать несколько издалека: как известно, в 922 году ко двору булгарского хана Алмуша прибыло посольство от багдадского халифа аль-Муктадира, в состав которого входил дипломат Ахмед ибн Фадлан. Во время своего путешествия секретарь арабской миссии обстоятельно фиксировал географические названия (впрочем, не только их), с которыми ему приходилось сталкиваться на землях тюрков. По запискам ибн Фадлана нам известна река Урам (Урым ~ Орым): в основе данного гидронима лежит бытовавшее в языке волго-камских булгар слово *варам-урам-урум-орым-ором* (приведены все фонетические варианты) со значением «длинный». Прилагательное это активно функционировало и в качестве прозвища: в частности, булгарские эпитафии содержат такие примеры, как Урум Алп и Урум Мухаммед – дословно Длинный Алп и Длинный Мухаммед, характеризуя своих носителей по росту [9, с. 106, 154; 12, с. 224]. Интересно, что Г. В. Юсупов лякаб (прозвище) Урум Мухаммед напрямую связывает с деревней Урум [12, с. 224]. Таким образом, приведенные нами комонимы могут рассматриваться не только в генетической корреляции с гидронимами, но и с архаичными прозвищами.

С точки зрения наличия широчайших типологических корреляций следует обратить особое внимание на прозвища, характеризующие своего обладателя по принадлежности к тому или иному ремеслу. В доиндустриальную эпоху одним из наиболее востребованных лиц как в селах, так и городах был кузнец – изначально имена носителей этой профессии зачастую вытеснялись прозвищем, о чем свидетельствует распространенность фамилий Кузнецов (в России), Смит (в англоговорящих странах), Шмидт (в Германии). Говоря о хозяйственной жизни булгаро-татар, следует подчеркнуть тот факт, что искусство работы с металлами издавна получило у данного народа значительное развитие: к примеру, широко известно, что именно булгары первыми в Европе начали выплавлять чугун, от Скандинавии до Средней Азии высоко ценились булгарские ювелирные изделия. Поэтому закономерным явлением представляется существование в татарском языке множества прозвищ, связанных с обработкой различных металлов: *Тимерче* (кузнец; изначально, судя по этимологии, ремесленник, обрабатывающий железо), *Алтынчы* (золотых дел мастер), *Кәмешиче* (ювелир, работающий по серебру), *Бакырчы* (медник). Последнее прозвище представляет особый интерес в силу того, что, как указывают специалисты, именно медь была «металлом, впервые освоенным людьми» [7, с. 89]. И если в истории ряда этнических групп наблюдалось такое явление, как угасание металлургии меди с последующим к ней возвращением, то применительно к булгаро-татарам можно говорить о непрерывности традиций работы с данным металлом, что подтверждается историческими источниками: в написанной в XIII веке книге «Алтын белек» слово *Бакырчы* зафиксировано в искаженной форме *Бахарчжи*; перепись жителей Казани XVI-XVII веков содержит прозвище Бакырчы. Примечательно, что известный татарский ученый-энциклопедист Каюм Насыри, живший в XIX столетии, в своем труде «Свяжский уезд» («Звья өязе») отмечает существование на территории названного уезда (ныне Зеленодольский район РТ) деревни Бакырчы, на древность которой он обращает особое внимание: «Деревня Бакырчы очень старинная деревня. Существует деревня Бакырчы не менее семи-восьми веков» (*Бакырчы авылы бик кадими авылдыр. Жиде-сигез йез елдан бирле Бакырчы авылы бардыр*) [5, с. 75]. В данном контексте значительный научный интерес представляет история одноименной деревни Тетюшского района РТ, которая была записана нами от старожилов деревни [6, с. 104]. Согласно последней, ранее деревня называлась Ново-Ерекеево по имени своего основателя – чуваша Владимира Ерекеева, и население в ней было преимущественно чувашским. Однако со временем начал увеличиваться процент жителей-татар, что породило миграцию чувашей в соседние мононациональные (исключительно чувашские) деревни. В 1876 году, когда чувашское население окончательно покинуло деревню, оставшиеся татары переименовали ее в Бакырчы в честь Абдулгаша Бариева, известного мастера по изготовлению медной посуды, – именно он первым из татар в свое время поселился в этой деревне. Приведенный нами материал свидетельствует о том, что анализ прозвища Бакырчы в привязке к истории населенного пункта может служить убедительным доказательством существования преемственности в культуре работы по меди между булгарско-золотоордынской эпохой и концом XIX века. Таким образом, результаты, полученные при изучении даже одного антропокомонима, в основе которого лежит то или иное прозвище, следует рассматривать в качестве ценного источника этнологической и исторической информации. Необходимо отметить, что антропокомонимы, восходящие к прозвищам, которые образованы по той же модели, что и Бакырчы (*бакыр* (медь) + аффикс *-чы*, служащий для образования названия профессии), широко представлены на карте

Нагорной стороны Республики Татарстан: Верхние Индырчи (Югары Ындырчы), Русские Индырчи (Рус Ындырчысы), Шамбулхчи (Шембалыкчы), Булым-Булыхчи (Болын-Балыкчы). Наименования данных деревень могут быть сгруппированы вокруг двух прозвищ, связанных с профессиональной лексикой: Ындырчи (молотильщик, работник на току) и Балыкчы (рыбак). Многочисленность подобного рода антропокомонимов вполне закономерна, если рассматривать их в контексте бытовой языковой коммуникации в условиях руральных сообществ, которая и сегодня демонстрирует активное функционирование прозвищ, скоррелированных с профессиональной деятельностью человека, в качестве идентификаторов личности. Обратимся к прозвищам, которые были записаны нами на территории Нагорной стороны РТ:

Стекольщик Рафагать (Пыялачы Рефегать) – прозвище зафиксировано в деревне Энтуганы Буинского района РТ;

Стекольщик Насыйр – в деревне Большие Тарханы Тетюшского района РТ;

Часовщик Наил (Сегатьче Наил) – в деревне Старые Енали Апастовского района РТ;

Рыбак Дамир (Балыкчы Дамир) – в деревне Большие Тарханы Тетюшского района РТ;

Кузнец Габдрахман (Тимерче Габдрахман) – в деревне Мурали Кайбицкого района РТ;

Шапошник Ахмед (Шапошник Эхмет) – в деревне Большие Тарханы Тетюшского района РТ;

Шорник Гариф (Каешчы Гариф) – в деревне Бақырчы Тетюшского района РТ;

Сапожник Ирек (Итекче Ирек) – в деревне Малые Тарханы Тетюшского района РТ;

Мельник Анас (Тегерменче Энес) – в деревне Апастово Апастовского района РТ.

Как мы ранее указывали, определенная группа антропокомонимов восходит к прозвищам-эпонимам, которые имеют генетическую корреляцию с феодальными титулами. К такого рода ойконимам относится название деревни Мурзино (Морзалар). Мурза – аристократический титул в тюркских государствах, в частности в Казанском ханстве, этимологически восходящий к персидскому *амир-задэ*, что значит *принц*. Тот факт, что в названии деревни была зафиксирована форма множественного числа этого слова (*морза* + аффикс мн. ч. *-лар*), свидетельствует о его изначальном употреблении в качестве родового прозвища, которое было распространено на одно из владений данной ветви нобилитета – интересующий нас населенный пункт.

В контексте вышеказанного следует обратить внимание на деревню Сеитово (Сеег) Верхнеуслонского района РТ, существующую еще с эпохи Казанского ханства. Слово *сеид* (*ceum*) восходит к арабскому *said* – князь, властитель. В феодально-теократической государственной структуре Казанского ханства сеидами именовались представители высшего духовенства, как правило, возводившие свою родословную к пророку Мухаммеду; особое место занимал верховный сеид – «глава всех мусульман Казани и казанской земли» [8]. Как и в предыдущем случае, здесь мы имеем дело с отголосками воспоминаний о бывшем владельце деревни и прилегающих земель – представителе феодального духовенства.

Отдельного упоминания заслуживает название деревни Уланово (Олан) того же района Республики Татарстан. В Золотой Орде и наследовавших ей ханствах уланами (угланами, огланами) именовались отпрыски знатных фамилий, имевшие привилегии при занятии должностей [10]. Чаще всего уланы поступали на военную службу, составляя командную прослойку феодального войска. Однако слово это давно перешагнуло за рубежи тюркских языков и тюркских государств, войдя практически во все европейские языки, причем в максимально близкой к первоисточнику форме: польское *ulan*; английское *uhlan*; французское *uhlan*, русское *улан*. Его лингвистическая экспансия началась в первой половине XVIII века, когда татарские конные полки в Речи Посполитой начали именовать уланскими; опыт использования данного рода кавалерии оказался настолько удачным, что своими уланскими частями обзавелись практически все государства Европы. Обращаясь к истокам этого явления, необходимо указать на то, что в Великом княжестве Литовском (в 1569 г. вошедшем в унию с Королевством Польским, образовав Речь Посполитую) во время неурядиц в Орде нашли убежище многие татары, в том числе и целые аристократические роды. В принявшей их стране они сохранили свой статус и связанные с ним права (в частности, «уланами титуловались князья Ассанчуковичи, Фурсовичи, Малушыцкие и Рудницкие» [3, с. 36]), однако с течением времени уланский титул, как и другие, все более и более превращался «в светлую память о своем роде» [Там же], то есть в чужеродной языковой среде, в иных социально-политических и культурных условиях проходил тот же процесс, что и на исконных татарских землях, – титул начинал функционировать в качестве прозвища-эпонима, как было отмечено нами выше применительно к территории бывшего Казанского ханства. Интересно отметить, что трансформация языковой природы титулов могла проходить и в ином направлении: история польско-литовских татар знает показательный случай, когда уланский титул был превращен одной из ветвей династии Ассанчуковичей в фамилию, – как отмечает известный исследователь Я. Я. Гришин, «род Уланов дал много заслуженных офицеров» [Там же]. Важно, что параллельные языковые процессы можно наблюдать и на *terra paterna* татар зарубежья, одним из ключевых регионов которой является Нагорная сторона: возвращаясь к названию деревни Мурзино (Морзалар) и соответствующему титулу, следует отметить, что среди татарского населения достаточно широко распространены такие фамилии, как, к примеру, Мурзин, Мурзаев и т.д.

Таким образом, мы можем заключить, что региональная антропонимика оказывает активное влияние на топонимическую карту региона – данный факт делает анализ прозвищ (как одного из наиболее значимых элементов антропонимической системы), лежащих в основе локальной ойконимии, чрезвычайно продуктивным с той точки зрения, что результаты данного анализа способны предоставить в распоряжение исследователей сведения, существенно дополняющие материалы археологии и смежных с ней дисциплин исторического цикла. Кроме того, необходимо обратить внимание и на то, что изучение зафиксированных в антропокомонимах архаичных слов способствует более глубокому пониманию прошлого татарского языка и его носителей.

Список литературы

1. Васильева С. П. Топонимическое поле «Человек» // Политическая лингвистика. 2005. № 16. С. 123-131.
2. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998. 232 с.
3. Гришин Я. Я. Польско-литовские татары: наследники Золотой Орды. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 195 с.
4. Денисова Т. Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации: на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области: дисс. ... к. филол. н. Смоленск, 2007. 195 с.
5. Насыри К. Зөя өязе. Сайланма әсәрләр. Казан: Тат. кит. нәшр., 1956. 150 б.
6. Салимзянова Ф. С. Татарстан республикасының Тау ягы: региональ антропонимика. Казан: Ихлас, 2009. 192 б.
7. Старостин П. Н. Елабужский край в эпоху первобытности // Древняя Алабуга. Елабуга: Мастер-Лайн, 2000. С. 81-129.
8. Фахрутдинов Р. Г. История татарского народа и Татарстана (Древность и средневековье) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tataroved.ru> (дата обращения: 02.08.2013).
9. Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских болгар. М., 1978. 206 с.
10. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923. 277 с.
11. Шостка Е. С. Прозвища Тамбовской области: языковой и социокультурный аспект: дисс. ... к. филол. н. Тамбов, 2009. 247 с.
12. Юсупов Г. В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 217-229.

**NICKNAMES AT THE REPUBLIC OF TATARSTAN UPHILL SIDE IN THE CONTEXT
OF CORRELATION BETWEEN ANTHROPONYMY AND TOPONYMY**

Salimzyanova Flyura Sabirzyanovna, Ph. D. in Philology
Kazan' Federal University
Salim.f.64@mail.ru

The article considers the influence of nicknames as a conceptual constituent of the regional anthroponymy on the formation of rural toponymical system. The author made the historical-linguistic analysis of a number of anthropoconyms at the Republic of Tatarstan Uphill Side that have a genetic correlation with nicknames. The research shows the consistency of definite nicknames functioning in the language space of the territory chosen for the research, from the Bulgar epoch till present, and also defines the ways of their integration into its placename structure.

Key words and phrases: nicknames; anthroponymy; toponymy; the Uphill Side of the Republic of Tatarstan; placenames; anthropoconyms.

УДК 811.11-112

Филологические науки

Настоящая работа посвящена контрастивно-фонологическому анализу немецкого языка как второго иностранного на фоне английского языка. Исследование было проведено в русле фонетики и фонологии английского и немецкого языков с целью выявления различий в фонологических системах этих языков, используя данные, полученные при обучении экспериментальной группы студентов Воронежского государственного университета. В качестве экспертов при проведении анализа выступили студенты и аспиранты университета имени Мартина-Лютера (город Галле, Германия).

Ключевые слова и фразы: немецкий язык; английский язык; интерференция; контрастивно-фонологический анализ; произношение; фонетические упражнения.

Санигурская Мария Геннадьевна

*Воронежский государственный университет
natasable@yandex.ru*

**КОНТРАСТИВНО-ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО НА «ФОНЕ» АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА[©]**

В настоящее время очень часто в качестве второго иностранного языка (после первого иностранного языка – английского) выбирают именно немецкий язык, что связано со схожестью с позицией в области лексики, синтаксиса, морфологии. Однако кроме наличия сходных элементов существуют и различия. Успешность коммуникации зависит от того, насколько звуковой облик высказываний, принадлежащий не носителю языка, соответствует принятым нормам. Высокий уровень фонетической интерференции даже при грамматической и лексической грамотности высказывания может привести к различным искажениям, а в отдельных случаях психологически свести общение к нулю.